

ЕВГЕНИЙ ПЕККИ

Невыдуманные истории от Жоры Пенкина

КНИГА 2. АРМИЯ



Евгений Пекки

**Невыдуманные истории
от Жоры Пенкина**

«Издательские решения»

Пекки Е. А.

Невыдуманные истории от Жоры Пенкина / Е. А. Пекки —
«Издательские решения»,

Конец 70-х годов 20 века. Молодого офицера из запаса призывают на 2 года в советскую армию. Автором поданы с юмором трудности армейского быта и особенности службы в железнодорожных войсках некадрового офицера. Большая часть описываемых событий происходит на строительстве Байкало-Амурской магистрали.

Содержание

Замполитами не рождаются	6
В Чернигове	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Невыдуманные истории от Жоры Пенкина

Книга 2. Армия

Евгений Пекки

© Евгений Пекки, 2016

© Михаил Кравченко, иллюстрации, 2016

Редактор Рита Прохоровская

Корректор Рита Прохоровская

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Замполитами не рождаются

В армию Жору призвали поздно. Ему уже исполнилось двадцать шесть лет, и он был женат. Работал он инженером в техническом отделе одной строительной конторы и заодно руководил в ней комсомольской организацией. Сказать честно, он знать не знал, и думать не думал, что понадобится вдруг государству на военной службе.

Однако на дворе был конец марта 1979 года.

В военкомате объяснили, что стране все больше нужны железные дороги, а поэтому численность железнодорожных войск скоро будет удвоена. Вот в эти самые войска и призвали лейтенанта запаса Георгия Пенкина.

Как он рассказывал, с него можно было снимать рекламный фильм «Хочешь увидеть СССР за государственный счет – поступай на службу в железнодорожные войска». И это были не пустые слова. География его передвижений по стране за время службы была весьма обширной, счет шел на многие тысячи километров.

В Петрозаводске ему выдали предписание прибыть в Киев, в штаб корпуса ж/д войск, для получения назначения в часть. Жора пытался было протестовать по поводу этого назначения, ссылаясь на то, что он не железнодорожник. Однако в военкомате розовощекий, уверенный в себе капитан, который раскидывал призываемых из запаса офицеров по воинским частям, заявил безапелляционно: «Не бздо! Не Боги горшки обжигают! А тебе, Пенкин, вообще повезло. Тебя не по строительной, а как члена КПСС – по политической части служить отправляют. У замполитов ведь как, – гоготнул он, – рот закрыл – рабочий день окончил. Кстати, и получать будешь больше. А вообще-то тут мы решаем, кому и где служить».

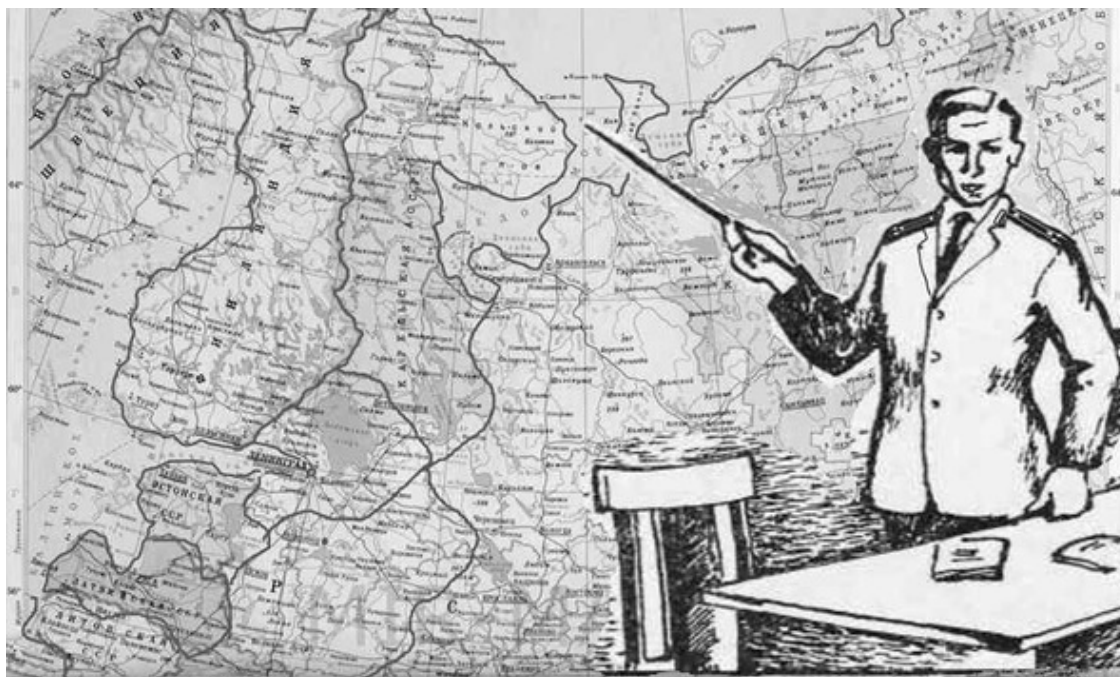
Жора в армию не торопился. Усвоив, что на прибытие ему выделено четверо суток, трое из них он отмечал свои проводы с друзьями и родней, а потом взял билеты на самолет до Киева через Ленинград, благо доплатить нужно было совсем немного. Все было бы отлично, если бы авиация не зависела от погоды. Когда самолет уже шел на посадку, и стюардесса попросила застегнуть ремни, вдруг объявили, что Киев не принимает. Возмущение пассажиров было весьма велико, поскольку самолет посадили в Одессе, притом что в газете «Правда» недавно разрезвонили по всей Европе: Бориспольский аэропорт, куда должен был сесть самолет, является всепогодным. В жизни это оказалось не так, как многое из того, о чем заявляли в этой газете. В течение первых полусуток пассажирам, в том числе и Жоре, пять раз объявляли посадку в киевский самолет, а потом выпроваживали оттуда. В аэропорту непрерывно растущая масса пассажиров слопала и выпила все, что было можно. Для тех, кто не знает: Бориспольский аэропорт для Киева – это как Домодедовский в Москве.

Через сутки, забив Одессу до предела, самолеты начали разворачивать и сажать в Кишиневе. Пассажиры начали возмущаться так, что дело пахло бунтом или забастовкой на взлетной полосе. Тогда аэропортовское начальство Одессы сообразило, что всю скопившуюся массу пассажиров нужно как-то уменьшить. Было ясно, что разместить на ночлег всех тех, кто с детьми, и накормить всех голодных, в отличие от Христа пятью рыбами и пятью хлебами не удастся. К аэропорту подогнали бесплатные автобусы, которые доставляли желающих до железнодорожного и автовокзала, что давало возможность добраться оттуда до желаемого пункта быстрее, чем установится летная погода. Самое, главное всем объявили, что в ближайшие шесть часов обстановка не изменится и можно в аэропорт не торопиться.

Жора и не торопился. Для начала он заказал себе двухчасовую автобусную экскурсию по Одессе, чтобы как-то ориентироваться в этом легендарном городе, затем посетил все достопримечательности лично. Побывал у Дюка и прошел по знаменитой лестнице, погулял по Дерибасовской и оценил лепнину фасада оперного театра, попил пивка в «Гамбринусе» и рассмотрел ассортимент товаров на Привозе. Заодно выяснил, что район «Перессы» в Одессе

не существует, хотя «Молдаванка» как стояла, так и есть. Три местных джентльмена, когда он спросил, «как в Перессы» добраться, вежливо объяснили ему, что извиняет его только то, что он из Карелии, где один из них служил в погранвойсках, другому бы они объяснили жестче. Поведали одесситы, что Марк Бернес исполняя песню про Костю-моряка, не был певцом профессиональным – и, при всем уважении к нему одесской публики, проглотил окончание слова в припеве. Вместо «Пересыпь», он спел так, что все, кто смотрел фильм «Два бойца», слышали «Перессы» с твердым ударением на вторую «е». С тех пор десятки лет, распевая эту песню, сотни тысяч россиян, которые никогда не были в Одессе, искренне считают, что район именно так и называется. Позднее он не один раз вспоминал этих парней и был им благодарен за разъяснение, поскольку выиграл на пари не одну бутылку коньяка, споря, есть в Одессе район, который называется «Перессы» или нет.

Впрочем, Бог с ней с Пересыпью, теперь, говорят, что, не зная украинской мовы, даже на Дерibasовскую лучше не соваться. Короче говоря, пособие, полученное Пенкиным по случаю призыва его в армию, весьма ему пригодилось. Он выпил с новыми друзьями и провел в этом славном черноморском городе Страны Советов целых три дня, пока самолеты не начали летать. Это его ни в малейшей степени не расстроило. Он помнил пословицу: «Солдат спит, а служба идет».



«Выбирай, где служить»

В Киев Пенкин все же добрался и прибыл пред светлые очи начальства. Начальник политотдела, долго не думая, предложил Жоре самому выбрать место службы, положив перед ним список батальонов, где требовались замполиты. Жоре было неизвестно, что место дислокации штаба – это не обязательно тот город, в котором придется служить, и он храбро ткнул пальцем в карту на стене возле флажка, воткнутого рядом с надписью «Вильнюс». Оказалось, что в нем находится штаб бригады, в котором вакансий не было. В структуре бригады, однако, имелся батальон, располагавшийся в бывшей Восточной Пруссии, а ныне области Калининградской, в городе Советск (бывший Тильзит). Вот туда он предписание и получил. Впрочем, когда Пенкин через сутки туда прибыл, выяснилось, что весь батальон выехал на полевые работы по устройству подъездных путей к строящейся Игналинской атомной электростанции.

Ближайший населенный пункт от палаточного летнего лагеря батальона был литовский городишко Дукштас. Короче, обмундированный в офицерскую форму и с подъемными в размере оклада в кармане Жора и прибыл туда на электричке. Оттуда в свой батальон он уже попадал, трясясь на продавленном сидении восьмитонного КраЗ-256, под управлением загорелого воина-киргиза, который, скаля свои белоснежные зубы, рулил, то вглядываясь сквозь пыль в колею, то оглядываясь на Пенкина в необмятой еще, прямо со склада, лейтенантской форме.

– Ну, наконец-то, – хмуро буркнул замполит батальона, пожав ему руку, – мы уже две недели ждем, когда пришлют замену выбывшим.

– У вас что, боевые потери?

– Спросить разрешения нужно, прежде чем такие вопросы задавать! – резко ответил майор. – Потери из-за таких, как ты, у которых два года службы кончились – и до свиданья. Когда, наконец, кадровых офицеров присылать нам начнут? – риторически завершил он фразу.

Выяснилось, что нехватка офицеров весьма сильно сказывалась на действиях батальона. С первых дней Георгию Пенкину пришлось командовать ротой. Точнее, пять дней он был замполитом, а потом командира с приступом аппендицита отправили в госпиталь, а за день до этого в долгожданный отпуск ушел кадровый офицер, командовавший первым взводом – и, получилось, что ротой командовать, кроме Жоры, никому.

А еще он на своей шкуре испытал справедливость слов майора: «Некоторые говорят, что только погранвойска выполняют в мирное время боевую задачу, остальные, только осуществляют подготовку к тому, чтобы выполнить свое предназначение. Забывают все про славные желдорвойска, которые свою задачу выполняют каждый день».

Пенкин скоро понял, что здесь, как на войне: никто не смотрит, в каком ты звании и какая у тебя должность (до известной степени, конечно). Если грозит невыполнение плана, а, значит, срыв боевой задачи – тогда в бой бросают всех.

Утром на планерке главный инженер объявил задания, которые возлагались на роты. Команды из бойцов, возглавляемые лейтенантами, сержантами, а то и просто «дедами», отправились их выполнять. Для Пенкина строительство железной дороги было делом абсолютно новым. Он понятия не имел, каким образом можно «отрихтовать двести метров пути от 13 до 15 пикета», а также провести подъемку «северного участка до стрелки» и разгрузить два вагона шпал. Его жалкие попытки выяснить у главного инженера, что же нужно делать, разбились о витиеватую фразу, состоящую в основном из непечатных выражений, смысл которой можно было перевести на человеческий язык примерно так: «наприсылают ботаников в офицерских погонах, а требуют выполнения государственных задач».

Потом, завершив ее, уже тоном ниже сказал:

– «Старики» в роте есть, вот у них и спросишь.

– А вот подъемку пути до стрелки проводить, начиная откуда? Вы же только одну точку отрезка пути обозначили. Уточните, пожалуйста.

– Ешь твою мать! Ты еще здесь, когда другие команды уже выдвинулись? Не тяни время. Пока задачи не будут выполнены, возвращаться в часть запрещаю. Кру-у-угом и шагом марш к роте.

Пенкин, козырнув майору растопыренной пятерней, в ужасе вылетел из штабного вагончика и предстал перед ротой, выстроенной повзводно. Вслух объявил то, что записал на планерке, и увидел, как солдаты в выцветших хэбешках сформировались в команды. Лейтенант Долгунцов, который командовал третьим взводом, практически сразу увел свой взвод на рихтовку пути. До участка, который предстояло поднимать, было километров около пяти. Для доставки команды подали ЗИЛ-130, в котором разместили двенадцать домкратов, лопаты, ломы, деревянные заступы, человек двадцать пять солдат и нивелир. Пенкину предоставили место в кабине, и грузовик поскакал: сначала по неровной грунтовке, а потом по глинистой

целине, вздымая клубы пыли, которая, оседая, покрывала, как пудра, ровным слоем и солдатские лица, и обмундировку. Весна в Литве в этот год стояла жаркая, как лето.

Потом машина уткнулась плавно в железнодорожную насыпь. Инструменты солдаты разобрали и команда двинулась по недавно уложенному пути к месту работ. Там лейтенант Пенкин узнал, что такое работы на железной дороге. Там же он впервые столкнулся с несправедливостью в распределении работ, когда наиболее тяжелая и грязная работа доставалась молодым солдатам, а один из солдат за весь день работ ни разу ни к лопате, ни к лому не приотронулся. Лейтенант попытался исправить ситуацию. Однако, прямо не отказываясь выполнять приказ, два «старичка» в застиранных почти до белого цвета хэбэшках с толстыми белыми подворотничками, мягко и ненавязчиво провели с ним разъяснительную беседу. Из нее следовало, что опыта работ у него нет и не скоро появится, как выполнить задачу они знают гораздо лучше и, в отличие от него, они умеют направить нужного воина в нужное место.

– Опять же, подумайте, товарищ старший лейтенант. Вот Вы только с гражданки, на стройках там работали. Есть там такая должность – бригадир? – спрашивал, улыбаясь, у Пенкина старослужащий Кайеркенов Давлет.

– Есть, конечно. Это самый опытный рабочий, можно сказать, элита.

– Вот Вы то самое нужное слово и назвали! Вы человек ученый, сразу видно. А я все его вспомнить никак не мог. Вот мы и есть элита желдорвойск. Ну не должна элита шпалы таскать – иначе, кто уважать ее будет?

Пенкин, чувствуя иронию в словах, не мог не отметить, что есть в них большая доля правды, и пока он сам досконально не уяснит, как строится железная дорога и что для этого нужно, спорить ему бесполезно.



Рихтовка ж/д пути

Так потянулась круговерть службы, в которой день был безразмерно длинным, а ночь такая короткая, что выспаться как следует никак не удавалось. Он вечно всюду не успевал. Начальник штаба требовал, чтобы офицеры хотя бы три раза в неделю лично присутствовали на утреннем подъеме (а их всего двое в роте, офицеров). Замполит рекомендовал ежедневно проводить личные беседы с солдатами и заполнять карточки индивидуальной работы, спрашивая с него как с замполита по полной программе, главный инженер драл его нещадно за выполнение плана и оформление строительных нарядов, как настоящего командира роты, хотя он был и.о. и только. А еще нужно было составить графики дежурства по роте, выделить солдат на кухню и в дежурный взвод, отпарить брюки, начистить сапоги и подшить воротничок. Через неделю он спросил у замполита батальона, «сколькичасовой» рабочий день должен быть у офицера? А еще, не многовато ли на него велят?

– Ничего, – ответил тот, улыбаясь, – это, чтоб служба медом не казалась. Через два года привыкнешь, еще и в кадры зачислить попросишься.

«Ну, вот это уж хрен», – подумал Пенкин, вылетая из кабинета начальства.

Еще неделя так же прошла в интенсивных военно-железнодорожных хлопотах. При этом Пенкин уяснил, что желдорвойска – это вроде как стройбат, в котором нужно выполнять производственный план и сдавать объекты, а, с другой стороны, здесь требовали соблюдения воинского распорядка, уставного ношения формы, отдания воинской чести... Вот только, в отличие от упомянутого стройбата, платили воинам три рубля восемьдесят копеек в месяц, и каждый должен был в них укладываться, удовлетворяя свои потребности. Постепенно он начал знакомиться с личным составом роты и различать своих подчиненных. Так в роте был возрастной состав весьма пестрый – от восемнадцати до двадцати пяти лет. Образование тоже такое, что не заскучаешь. С одной стороны, были двое из Таджикистана, которые с трудом понимали по-русски, а писать практически не умели, а с другой – были трое, окончившие железнодорожный техникум, и даже один, окончивший третий курс МГИМО.

Познакомился Пенкин и с командным составом, тоже весьма разношерстным. Половина были офицеры после высших военных училищ, другая половина делилась на три части: офицеры после средних училищ, прапорщики, и такие как он сам: призванные из запаса на два года. Вечером он возвращался в свой вагончик, где делил отсек с лейтенантом Рафаелем Ахметовым, татарин из Москвы. В отличие от Жоры, он был «белой костью». На нем были инспекторские функции. Имея верхнее ж/д образование, он отвечал за качество объектов и всегда ходил, сверкая зеркальными темными очками и блеском хромовых сапог. Были два командира взводов, дослуживавшие свой двухгодичный срок, которые, как правило, все свободное время проводили за игрой в карты, два лейтенанта механика, вечно испачканные мазутом и задроченные начальством, которое требовало держать в порядке технику, давно требовавшую списания. Еще были комсорг, парторг, военврач, начфин и прочее и прочее, и еще два десятка старших и простых лейтенантов всех национальностей. Были и прапорщики, но о них можно писать отдельную главу. Впрочем, волей-неволей они далее тоже будут упомянуты.

Вот это воинство, носившее фуражки, а не пилотки, в отличие от солдат, спало, в основном, в вагончиках, а также в большой, на 50 человек, офицерской палатке, в которой размещалось два десятка кроватей.

В ней еще стояли столы, на которых днем раскладывали чертежи строящихся путей и других сооружений, заполняли документацию. В вечернее же время за них, как, наверное, в каком-нибудь уездном офицерском клубе при батюшке царе, рассаживались офицеры, свободные от службы. Резались здесь в «очко», «тыщу», «буру», «терц», «преферанс» и «секу». Играли только на деньги, и в «секу», бывало, за ночь зарплату оставляли. Верх в игре держали, как правило, прапора с вещевого и продуктового складов. Пенкин с ними в карты не играл. Выспаться бы – вот мысль, которая преследовала его всю неделю. Однако в субботу его назначили дежурным по части (а в желдорвойсках каждый отдельный усиленный батальон – это воинская часть, со всеми вытекающими последствиями), выспаться не удалось, и в баню он не попал. Когда же в воскресенье вечером Жора уныло тер в тазике, сдувая мыльную пену с рук, свое нательное белье, его окликнул вышедший покурить из палатки весьма нетрезвый старлей Козырев, зампотех автороты, со значком СВУ на груди.

– Лейтенант Пенкин, будьте любезны, подойдите сюда.

– Достираю вот и подойду, – отозвался тот, вытирая пот тыльной стороной ладони.

– Лейтенант, это в ваших же интересах.

Жора стряхнул мыло с рук, обтер их об трусы и, подойдя к старлею, протянул ему руку.

– Привет механизаторам, чего хотел?

– Да вот, думал, сразу тебе морду начистить или дать время исправиться, – не подавая руки, сквозь зубы процедил старлей.

Жора слегка опешил от такого приветствия, однако, не смутившись, поинтересовался, учитывая нетрезвый вид собеседника: «А у самого морда не треснет?»

– Если у меня не получится, другие помогут, – усмехнулся визави, – ты что офицерское звание позоришь, мудака?

– Не понял. Я вроде с похмелья на службу не выхожу и от работы не бегаяю, – намекая на коллег по службе, ответил Пенкин.

– Вот за это тебе бы слова никто не сказал. Ты что, офуел, свои исподние стирать, да еще в расположении части?

– Так воняет же уже. Я две недели без бани, а третьей сменки нет. Что мне делать прикажешь? Тут же нет прачечной.

– Ты дурак или прикидываешься?

Жора стоял, как пыльным мешком по голове огретый, ничего не соображая.

– Ну, тогда гляди как это делается, ботаник, – усмехнулся Козырев.

Он огляделся вокруг и рявкнул проходящему мимо солдату: «Воин, ко мне!»

Тот подбежал и, приложив руку к пилотке, представился: «Рядовой Цырелманов Жерше».

– Какая рота?

– Вторая!

– Так тебя сам Бог велел напрямч сегодня. Пенкин, он же из твоей роты. Значит так, тазик видишь с бельем?

– Так точно!

– Времени тебе сорок пять минут, потом приходишь с выстиранным и отжатым как следует бельем и отдаешь его лейтенанту Пенкину. В каком вагончике ты живешь? – повернулся он к Жоре.

– В пятом. Второй отсек.

– Вот, туда и принесешь. Все понял?

– Так точно, – поднял солдат на него свои бурятские черные глаза, сверкавшие на неподвижном, как маска, темном, почти коричневом лице.

– Ну, вот и славно. Время пошло.

Рядовой Цырелманов схватил тазик и рысью удалился от офицерской палатки.

Жора, соблюдая субординацию, когда боец удалился, решил высказать Козыреву все, что у него накипело за эти несколько минут.

– Послушайте, уважаемый, а вам не кажется, что вы ведете себя недопустимо. Это ведь воин Советской Армии, а не негр с плантации из книжки про хижину дяди Тома?

– Это хорошо, что ты в детстве книжек начитался, для замполита не вредно. Сам-то не видишь, что мы от негров той поры мало чем отличаемся? Родной стране понадобились тысячи бесплатных рабочих рук, да еще порой в тех местах, куда Макар телят не гонял, вон БАМ затеяли, который зеки перед войной не достроили. Кто туда поедет? Комсомольцы-добровольцы? Едут на 2—3 месяца летом студенты в стройотряды, да еще процентов десять, тех, кому жить негде, кто купился на посулы вербовщиков, да талон на покупку «Лады» после двух лет рабского труда и свинячьих условий жизни. А где других взять? При правлении дедушки Джугашвили вопрос решали просто, а теперь, где столько врагов народа наловить? А что на Западе скажут? Вот и придумали желдорвойска расширить – простенько и без затей, пусть вкалывают за деньги, равные бутылке водки в месяц.

– Он же не обязан мое исподнее стирать.

– Офицер приказал, значит, обязан. Не нравится, должен выполнить, а после уже обжаловать его в письменном виде.

– А не боишься, что твои мысли начальству не понравятся?

– Так кто не дурак – так же думает, а дурак не думает, но чувствует так же. Да и не пой- дешь ты стучать. Я к тебе уже почти месяц присматриваюсь. Ты не из тех. Ты интеллигентик в погонах, тебе запахло. А теперь запомни: мы фактически такие же рабы. На военнотружущих Конституция не распространяется. Нам только платят немного побольше, чтобы мы надсмотрщицами были хорошими. Будешь хорошо служить, станешь надсмотрщиком над надсмотрщицами. Мы – элита. Коли начальство не озаботилось, как устроить наш быт, мы его устраиваем сами, доступными средствами. Короче, если еще раз узнаем, что стираешь сам белье, устроим темную и отбиздим всей офицерской командой.

Он бросил окурок, плюнул смачно рядом с Пенкиным и скрылся в палатке, откуда слышался звон стаканов и шлепанье карт об стол.

«Во, блин, попал, – подумал Жора, – и что теперь делать?»

Пока он размышлял, придя к себе в вагончик, в дверь постучали. На пороге стоял рядовой Цырелманов с тазиком в руках. В нем лежало туго отжатое чистое Жорино белье.

– Поставь на пол. Постой, – тормознул его лейтенант Пенкин, когда солдат хотел выйти из комнаты. Тот повернулся и, казалось, потемнел лицом еще больше, ожидая, положе, новых приказаний.

– Возьми за работу, – протянул офицер ему рублевую монету с Лениным на реверсе. Бурят недоверчиво взглянул на командира и спрятал ее в кармане солдатской куртки.

– Ты не в обиде?

– Никак нет, товарищ лейтенант, – улыбнулся тот, – спасибо. За четыре субботы я на ваших кальсонах больше заработаю, чем на строительстве железной дороги за месяц.

– Ты только не рассказывай никому.

– Зачем рассказывай, – пожал тот плечами, – тогда отберут.

– Как это отберут?

– Ты офицер, тебе не понять. Дадут в морду и отберут. Я пойду, а то вечер уже, а мне еще две пары сапог вычистить надо и две хэбешки подшить дедам. Бесплатно, – добавил он, усмехнувшись.

– Как две хэбешки? Почему?

– Молодых мало прислали. Их на всех «стариков» не хватает.

Цырелманов убежал, а лейтенант задумался о жизни.

Через три дня, наконец, в роте появился ее командир, старший лейтенант Ступаков, которого заштопали в окружном госпитале и вернули в строй. Прислали вскоре еще одного лейтенанта, призванного с гражданки, которого назначили командиром взвода. Один день поездил Пенкин со своим командиром Ступаковым по объектам, тот оценил выполненные работы и выслушал рассказ о всех бедах, свалившихся на голову ротного замполита.

– Ничего, с субботы вернешься к своей воспитательной работе.

Однако, мы предполагаем, а Господь Бог располагает. До Пенкина дошел слух, что в батальон пришла из Киевского корпуса телеграмма с требованием всех офицеров, призванных на два года, откомандировать в Чернигов, в учебный полк желдорвойск, для улучшения офицерской подготовки. Прошел слух, поскольку под роспись с телеграммой нужно было ознакомить этих офицеров, а также выдать деньги и проездные документы. Начальство, как узнал Пенкин, этого делать не хотело. Распорядился «замылить» документ сам командир части, который несколько дней назад прибыл в батальон. Совсем уничтожить распоряжение он, естественно не мог, а вот не знакомить с ним неделю тех, кому нужно было уезжать, можно было попытаться. Задумка простая, как батон за двенадцать копеек.

Пенкина вызвали в штаб, однако вместо телеграммы ему дали график, чтобы расписаться за предстоящее дежурство по части в предстоящее воскресенье. Тут он понял, что график графиком, а кому заступать на дежурство, решает начальник штаба. Выходя из кабинета после того, как услышал от него в очередной раз, «чтоб служба медом не казалась», он обратил вни-

мание в прихожей вагончика на доносящийся из-за соседней двери резкий голос комбата, беседовавшего с замполитом.

– На хрена Пенкина-то отправлять? Он месяц продержался, не запил, истерики не закатил и план дает. Считаю, прописку прошел. А отправим, кем будем дыры затыкать?

Суббота в войсках, как известно, это парко-хозяйственный день. Он всегда начинается (во всяком случае, в то время) с общего построения и прохождения войск мимо командования. Этаким маленький парад, после чего все расходится по местам проведения работ. Однако командир второй роты старший лейтенант Ступаков заступил на дежурство по части и ходил рядом с плацем при пистолете и красной повязке, чтобы отдать утренний рапорт комбату.

– А кто прохождением роты на разводе будет командовать?

– Вот ты и скомандуешь, а я посмотрю. Ты же у нас шибко грамотный, значит и с этим справишься.

Плац батальона – это громко сказано. Была довольно ровная, вытопанная солдатскими сапогами, поляна размером примерно с половину футбольного поля, с краю которой из досок, выкрашенных охрой, стояла трибуна.

Утром в субботу, к полвосьмого по Москве, подразделения уже стояли, выстроенные в ротные коробки. Послышался рев мотора, и в клубах пыли показался на дороге, что шла со стороны вокзала, командирский УАЗик, прозванный солдатами «комбатовоз». Из него вылезли комбат, замполит и какой-то подполковник, сверкавший сапогами, звездами, петлицами, орденскими планками и сшитой в ателье фуражкой.

«Проверяющий из бригады», – прошелестело по построению войск. Все трое вошли на трибуну, за ними еще два зама комбата. Рявкнула из репродуктора на столбе вбитая в мозг мелодия «Прощания со славянкой», и роты двинулись, чеканя шаг, насколько это возможно на грунтовке.

Пенкин для себя решил, что будет повторять все за командиром первой роты, которой командовал старлей Тертышный, высокий красавец, окончивший Высшее училище тыла и транспорта. Пенкин развернул роту сначала правым флангом к краю плаца. По команде «прямо» она начала движение. Команду «правое плечо вперед» его подразделение тоже выполнило блестяще, плотным строем. Жора успел заметить, слегка обернувшись назад, оттопыренный вверх большой палец Ступакова, который, улыбаясь, стоял у подножья трибуны. Успех окрылил лейтенанта и, выйдя напрямую с трибуной, он отдал последнюю команду, не расслышав, что же скомандовал Тертышный. Вместо команды «правое плечо вперед», когда нужно повернуть строй колонной, он молодецкато вскинул руку к козырьку фуражки, как его предшественник, и во все легкие скомандовал: «Направо!» Солдатский строй мгновенно выполнил эту команду, и рота не колонной как для парада, а развернутым строем, как для штыковой атаки, прошествовала под марш мимо трибуны. Пенкин этого конфуза несколько минут не замечал. Он даже не понял, что ошибка командовавшего строем поручика Ромашова из бессмертной повести Куприна, над которой он смеялся еще в школе, была бледное подобие того, что сотворил он сам. Начальство на трибуне на минуту замерло. Потом до Пенкина долетел рев комбата, подобный звуку, издаваемому раненым бегемотом: «Отста-а-а-вить!!!».

– Что отставить? – переспросил Пенкин, остановившись и повернувшись с рукой у козырька к трибуне. В него уперся его собственный строй и чуть не сшиб с ног. «Стоить!» – прозвучала команда старшего сержанта Коровина.

– Лейтенант Пенкин, ко мне, бегом! – услышал Жора команду замполита. Он крикнул Коровину: «Командуй» и побежал к трибуне, на ходу раздумывая, опустить руку от козырька или нет.



В это время подполковник выпучив глаза, спускался с трибуны и орал на бледного, идущего за ним комбата.

– И вот за этого ты просил, чтобы не отправлять его на курсы в Чернигов? Если это самый лучший, то, что от остальных ждать? Тебе погоны не жмут? Еще подобное художество увижу, ты у меня сам опять ротой командовать будешь. В штабе через десять минут совещание руководства. Объявите.

Он скрылся в штабном вагончике. В это время на плацу стоял хохот. Смеялись все, включая солдат первого года службы. После команды комбата «отставить» никто не решился продолжать парад, поэтому все подразделения оказались в разных местах плаца и по-разному построены. Над плацем все еще ревели «Славянка». Картина была фантасмагорическая. Пенкину было стыдно, как будто он голый стоял среди многолюдной площади. Хоть стреляйся.

– Ты это специально? Специально? – допытывался замполит. – Мы тебе выговор объявим!

Будучи морально раздавленным и чуть не падая от волнений и усталости, Жора отрешенно посмотрел на него и, махнув рукой, отправился к себе в вагончик.

Через два дня колеса поезда ласково отстукивали ему, лежащему на второй полке пассажирского поезда: «в Чернигов... в Чернигов... в Чернигов», от чего он временами погружался в сладкую дрему.

В Чернигове

Чернигов обрушился на Пенкина слепящим украинским солнцем, сигналами автобусов и чириканьем воробьев возле вокзала, запахом разогретого жарой мягкого асфальта и, конечно, запахом цветов. Зелени было много. Огромное количество клумб и газонов благоухало, сразу гиацинтами и нарциссами, тюльпанами и лилиями, а к этому всему примешивался аромат цветущих сиреней и акаций. По улицам шли люди в нарядной одежде, а девушки были, кажется, все только ослепительной красоты.

Слегка обалдевший от этих видов южного города, Пенкин небыстрым шагом достиг расположения воинской части. За высоким бетонным забором был образцово-показательный Черниговский учебный полк желдорвойск Советского Союза.

Видя, как в дверях проходной время от времени исчезают сплошь лейтенанты с чемоданами или, как он, большими сумками в руках, Жора понял, что прибытие офицеров на курсы идёт в самом разгаре. Он храбро шагнул в полумрак проходной и был тут же остановлен дежурным офицером. Проверив командировочное предписание тот, окинул прибывшего лейтенанта ироническим взглядом и вышел вместе с ним во двор, в котором раскинулся роскошный плац, как в учебнике по строевой подготовке. Были там еще спортивные площадки и разного рода тренажеры, а так же сооружения, происхождение которых было пока не ясно.

– Воин, ко мне, – скомандовал дежурный. Когда рядовой в чистенькой отглаженной форме подбежал к капитану, тот продолжил, – берешь у лейтенанта вещи и провожаешь его в расположение третьей роты. Знаешь это где?

– Так точно.

– Дай, я сам донесу, – начал было протестовать Жора, но наткнувшись на гневный взгляд дежурного, понял, что в данном случае, это неуместно. Рядовой, с баулом и пакетом в руках, полубегом двигался, по дорожке, огибая плац, за ним едва поспевал Жора, чувствуя себя нелепо в спортивном костюме. Они оказались у каменного корпуса в двухстах метрах от проходной.

– Вам в канцелярию надо, к майору Приходько, сказал рядовой, поставив сумки у входа.

Пенкин постучался в дверь и вошел с вещами. За столом сидел широкоплечий майор, который, оторвав глаза от бумаг, вперил их в лейтенанта.

– Разрешите войти, товарищ майор?

– Ты уже вошел. Кто таков?

– Лейтенант Пенкин, прибыл на курсы, согласно предписанию.

– Почему не в форме? Приказано было прибыть в повседневной.

– Никак нет. Дословно если, было написано: иметь повседневную для строя и спортивную форму. Одна на мне, другая с собой, правда, еще не оборудованная, погоны не пришиты. Вот я в спортивной и прибыл, по погоде.

– Ладно. Завтра оценим. Размещайся во втором кубрике.

– Прямо, как во флоте.

– Любитель поговорить? Что, «во второй палате» звучало бы лучше? – начал закипать майор, – небось, замполитом служишь?

– Ага, – кивнул Пенкин.

– «Ага» – это господин по-турецки. В армии принято отвечать или «так точно» или «никак нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.